

КОМУНІКАТИВНА ФУНКЦІЯ ЛІТЕРАТУРНОГО ТЕКСТУ

Волковинский А.С.

Каменец-Подольский государственный университет

СИМВОЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ТЕМЫ В СТИХОТВОРЕНИИ А. БЛОКА «–ВСЁ ЛИ СПОКОЙНО В НАРОДЕ?..»

В жизненной и творческой судьбе А. Блока 1903 год стал во многом этапным. В этом году он дебютировал в журнале «Новый путь», которым руководили З. Гиппиус и Д. Мережковский, в «Литературно-художественном сборнике» студентов Петербургского университета и в альманахе «Северные цветы». В начале 1903 года возникает переписка между А.Блоком и А. Белым, предвещающая сложную «мистическую дружбу» двух поэтов. К этому году в основных чертах оформляется становление Блока-поэта. Наконец, в этом году заканчивается период любовных грез и мечтаний и намечается обращение поэта к тревожной и трагической реальности. Первый том лирики Блока завершает цикл «Распутья» (стихи 1903 – 1904 гг.), в котором «ощутимей становится недоуменная тревога, неразгаданная еще самим поэтом душевная боль, и в то же время – связь поэта с миром, живой, а не созданной поэтическим воображением, жизнью» [3, 17]. Среди многих мистически тревожных произведений этого цикла обращает на себя внимание суггестивно-пророческим смыслом стихотворение «–Все ли спокойно в народе?..» (3 марта 1903).

Первая строфа стихотворения «– Все ли спокойно в народе? / – Нет. Император убит. / Кто-то о новой свободе / На площадях говорит» [2, 189] вызвала наибольшее недоверие цензуры. «По требованию цензора фраза «император убит» была заменена на более нейтральную политически – «полководец убит» [2, 444]. Очевидно, смысл этих строк воспринимался в качестве исторической аллюзии на горестные для России события больше чем двадцатилетней давности – 1 марта 1881 года, когда был убит Александр II. Это событие в дореволюционных изданиях часто обозначалось как «катастрофа 1 марта».

Две последующие строфы вполне могли восприниматься в качестве обрисовки социально-политической атмосферы современной жизни: «– Все ли готовы подняться? / – Нет. Каменеют и ждут. / Кто-то велел дожидаться: / Бродят и песни поют. // – Кто же поставлен у власти? – Власти не хочет народ. / Дремлют гражданские страсти: / Слышно, что кто-то идет» [2, 189]. Однако появляется столь характерный для поэзии символизма «кто-то». Содержательность стиха теряет конкретно-историческую однозначность и переводится поэтом в плоскость абстрактно-многозначного. Подготовлен и выстроен своеобразный смысловой мост: прошлое – настоящее – будущее. По глубокому убеждению Блока, тайно-мистический смысл исторических

событий как раз и состоит в том, что им суждено возвращение и повторение. Заключительные строфы стихотворения проецируют известную ситуацию в неминуемо грядущем: «— Кто ж он, народный смиритель? /— Темен, и зол, и свиреп: / Инок у входа в обитель / Видел его — и ослеп. // Он к неизведанным безднам / Гонит людей, как стада... / Посохом гонит железным... / — Боже! Бежим от Суда!» [2, 189]. В финальной части стихотворения особенно усиливаются религиозно-мистические мотивы через использование Блоком образов Антихриста, Апокалипсиса и Страшного суда. Новозаветная традиция трактовала Антихриста как «человека греха», «зверя, выходящего из бездны», деспота (наподобие Навуходоносора или Антиоха Эпифана). «Как и эти деспоты, Антихрист — кровавый гонитель всех «свидетелей» истины, утверждающий свою ложь насильем» [1, 33].

В этом стихотворении Блок использовал третью форму амебейной композиции (по классификации В. Жирмунского) — последовательное чередование вопросов и ответов. Именно такая форма амебейной композиции часто встречается в народной поэзии. Блок использует формально-композиционную организацию стиха в качестве еще одного обращения к первоистокам, что, в свою очередь, акцентирует мысль о неизменяемости и повторяемости общего бытия.

Стихотворение написано трехстопным дактилем, ритмическое совершенство которого сравнивалось древними с «языком богов». Но уже последний стих первой строфы содержит не характерную для дактиля трехсложную анакрузу, что выводит ритмико-интонационное звучание текста за пределы традиционной нормы. Вместе с тем, этот формальный показатель усиливает общее ощущение сумбурности жизни, потерю ею порядка и структурной строгости.

Таким образом, Блок использует различные содержательно-формальные средства для перевода смысла своего произведения в символический, многозначный и общебытийный план. При этом поэт обращается к известным мотивам, художественным образам. «Он предпочитает традиционные, даже стертые образы («ходячие истины»), так как в них хранится старая эмоциональность нового образа, ибо новизна обычно отвлекает внимание от эмоциональности в сторону предметности» [4, 121]. Сосредоточенность Блока на эмоциональности в ущерб предметности делает стихотворение «— Всё ли спокойно в народе?..» типично символическим, открытым для использования многочисленных вариантов понимания и толкования. Неисчерпаемость количества таких вариантов подкрепляется поэтической суггестией, которая питается прихотливыми ассоциациями, зыбкими образами, предельной актуализацией внутренней формы.

1. Аверинцев С.С. Софія — Логос: Словник. — К.: Дух і Літера, 1999. — 464 с.
2. Блок А. Собр. соч.: В 6 т. — Т. 1. — М.: Правда, 1971. — 478 с.
3. Краснова Л. Поэтика Александра Блока. — Львов: Изд-во Львовского ун-та, 1973. — 230 с.
4. Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. — М.: Наука, 1977. — 574 с.